

LÉON TOLSTOÏ (1828 - 1910). Ecrivain Russe

ANNA KARÉNINE (1877). Roman

Traduction : Mikhaïl Kostov (2002)

Lev Tolstoy (1828-1910). Rossiavaf suterotik

Anna Karenina (1877). Berpot

Kalkotavaks : Mixail Kostov (2002)

Анна Каренина (1877)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по своему.

Все смешалось в доме Облонских. Жена узнала, что муж был в связи с бывшею в их доме француженкою-гувернанткой, и объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме. Положение это продолжалось уже третий день и мучительно чувствовалось и самими супругами, и всеми членами семьи, и домочадцами. Все члены семьи и домочадцы чувствовали, что нет смысла в их сожительстве и что на каждом постоянном дворе случайно сошедшиеся люди более связаны между собой, чем они, члены семьи и домочадцы Облонских. Жена не выходила из своих комнат, мужа третий день не было дома. Дети бегали по всему дому, как потерянные; англичанка поссорилась с экономкой и написала записку приятельнице, прося приискать ей новое место; повар ушел еще вчера со двора, во время обеда; черная кухарка и кучер просили расчета. На третий день после ссоры князь Степан Аркадьич Облонский - Стива, как его звали в свете, - в обычный час, то есть в восемь часов утра, проснулся не в спальне жены, а в своем кабинете, на сафьянном диване.. Он повернул свое полное, выхоленное тело на пружинах дивана, как бы желая опять заснуть надолго, с другой стороны крепко обнял подушку и прижался к ней щекой; но вдруг вскочил, сел на диван и открыл глаза.

"Да, да, как это было? - думал он, вспоминая сон. - Да, как это было? Да! Алабин давал обед в Дармштадте; нет, не в Дармштадте, а что-то американское. Да, но там Дармштадт был в Америке. Да, Алабин давал обед на стеклянных столах, да, - и столы пели: *Il mio tesoro*, и не *Il mio tesoro*, а что-то лучше, и какие-то маленькие графинчики, и они же женщины", - вспоминал он.

Глаза Степана Аркадьича весело заблестели, и он задумался, улыбаясь. "Да, хорошо было, очень хорошо. Много еще там было отличного, да не скажешь словами и мыслями даже наяву не выразишь". И, заметив полосу света, пробившуюся сбоку одной из суконных стор, он весело скинул ноги с дивана, отыскал ими шитые

ANNA KARENINA (1885)

TANEAF PAK

I

Kota kalafa yasa yo va sint vektad. Kevoke kota volkalafa yasa tir intafa.

Kotcoba tiyir trovgayana koe Oblonski yasa. Sersikya, grupeyenon da intaf kurenik paskaleyev va francafa gaasikya, pu sersikye al dakteyer da koe milafa mona dam in mea robliyir. Bata debala ixam jijasa mali baroy viel tiyir portafa tori kurenikeem is yasikeem is monazanisikeem. Vuwik se is yastik yo peztaleyed da doirubara vaon mea dlapayar. Diveik se va sint xuyavon kakeves koe yorida sinton gluyawed loon dam noelkeon tiyir bewikeem ke Oblonski yasa. Monokilikya va mawa mea buluyur; kurenikye mali baroy viel tiyir graciafe; dum jovlenik nasbeik se olkobolkobon krabeyed; va gaasikya al motcayar aze pu nik ta da va warzaf rundak battelya pu in trasir al suteyer; eldeon ba sielestura burmotasikye al gracaweyer; burmotasikya is diremstasikye djubuluyud.

Bak bat bareaf bartiv radimi motcara, Stepan Arkaditc Oblonski sersik, Stiva dum koe seltom zo yoltayar, ba intaf giltaf bartiv trabe ba gazdaf anhustear bartiv ve divmodaweyer, me koe kurenikafa mawa vexe koe kobaxo moe leltkirafa saxatca. Moe ilava va intafa gijarotifo is ropheneno alto Stepan ve toltaceyer, dum ede al djuxialayar da abrotcipon tolkokenibewer. Kolicapason va takak va tcor in ve windeyer. Vexe laizon, ve tolvankedayar aze mo saxatca ve debanhayar ise ve itafenkuyur.

« Tokon tiyir ? setikeson va klok ve eruweyer. En, tokon tiyir ? Batse. Koe Darmstadt va sielestura Alabin firviyir. Me, me koe Darmstadt, konlize koe Amerika. Moe trivazega va sielestura Alabin kle firviyir ise ganenikeem dankayar va : *il mio tesoro*. Me, me batcoba, lokiewafa lokiewapafa koncoba. Moe bata azega tiyid ayikyakorafa tupama se... »
Iteem ke Stepan Arkaditc daavon ve jebeyer ise levkipeson ve modovayas : « En tiyir kiewafa ! Koe bat klok mafelafa jontikcoba ware tiyir, vexe va mancoba pulva se is dere rieta se me rodimziliyid. Batcoba me zo romuxar. »

Kozwison va afolha espasa reme fenkumura ke tanoy bortc, va nugeem blion ve divdualtayar, aneyason va moavayaleltaf guvengeem fideyen gan kurenikya tori intaf ironokaf ilanuk. Va int ve vulkuyur aze, kan lerddafa gildaca, va int me madason ve matceyer liz koe intafa kenibexo intaf

женой (подарок ко дню рождения в прошлом году), обделанные в золотистый сафьян туфли и по старой, девятилетней привычке, не вставая, потянулся рукой к тому месту, где в спальне у него висел халат. И тут он вспомнил вдруг, как и почему он спит не в спальне жены, а в кабинете; улыбка исчезла с его лица, он сморщил лоб. "Ах, ах, ах! Ааа!.." - замычал он, вспоминая все, что было. И его воображению представились опять все подробности ссоры с женою, вся безвыходность его положения и мучительнее всего собственная вина его.

"Да! она не простит и не может простить. И всего ужаснее то, что виной всему я, виной я, а не виноват. В этом-то вся драма, - думал он. - Ах, ах, ах!" - приговаривал он с отчаянием, вспоминая самые тяжелые для себя впечатления из этой ссоры.

Неприятнее всего была та первая минута, когда он, вернувшись из театра, веселый и довольный, с огромною грушей для жены в руке, не нашел жены в гостиной; к удивлению, не нашел ее и в кабинете и, наконец, увидел ее в спальне с несчастною, открывшею все, запиской в руке. Она, эта вечно озабоченная, и хлопотливая, и недалекая, какою он считал ее, Долли, неподвижно сидела с запиской в руке и с выражением ужаса, отчаяния и гнева смотрела на него.

- Что это? это? - спрашивала она, указывая на записку.

И при этом воспоминании, как это часто бывает, мучала Степана Аркадьича не столько самое событие, сколько то, как он ответил на эти слова жены.

С ним случилось в эту минуту то, что случается с людьми, когда они неожиданно уличены в чем-нибудь слишком постыдном. Он не сумел приготовить свое лицо к тому положению, в которое он становился перед женой после открытия его вины. Вместо того чтоб оскорбиться, отречься, оправдываться, просить прощения, оставаться даже равнодушным - все было бы лучше того, что он сделал! - его лицо совершенно невольно ("рефлексы головного мозга", - подумал Степан Аркадьич, который любил физиологию), совершенно невольно вдруг улыбнулось привычною, доброю и потому глупою улыбкой. Эту глупую улыбку он не мог простить себе. Увидав эту улыбку, Долли вздрогнула, как от физической боли, разразилась, со свойственною ей горячностью, потоком жестоких слов и выбежала из комнаты. С тех пор она не хотела видеть мужа.

"Всему виной эта глупая улыбка", - думал Степан Аркадьич.

"Но что же делать? что делать?" - с отчаянием говорил он себе и не находил ответа.

jeg modemaweyer. In bam ve setikeyer tokkane is tokdume koe kurenikafa mawa vols intafa kobaxo me kenibeyer. Sol gexata va levkipera in ve relvayar ise inafa jo ve soakseweyer :

- Ax, ax ! in ve breyer, setikeson va sokiyisa kotcoba. Gestason, va kota menaavdasa pinta se ke nhaleks va kurenik in tolwiyyir. Vexe en tiyir rola ke Stepan ; beka mefakon in kagrupeyer.

« In me ixeter, me rotixer. Ise lodeaftafa tir da kotcoba anton tir golde jin. Tir golde jin, vexe me ti gunaf. Batlize tir piza ! »

- Ax, ax ! volpokeson ve tolkaliyyir, setikeson va loportaf lit yo isken gan bata motcara.

Taneaf gemelt al tiyir tel lodol gaf. Viele, dimpison va wenha, tison daavaf is keldaskin, gison va granafa efa tori kurenikya, koe bonta mei kobaxo vols adim kenibexo me al trasiyyir. Koe nuba va razdusa rotapstana twa inya giyyir...

In - bati Dolly tanion levkipesi is tegirafi, afalansafi sedme in, melizison debanheyer, do twa koe nuba ; ise ton volpokeslukurafa is zilidukurafa akllimumexasaca va kurenik disukeyer.

- Tokcoba tir ? Tokcoba tir ? nedison va twa in eruyur.

Setikeson va batcoba, Stepan Arkaditc, acum dam fereon sokir, gan tel askiks loon dam intafa dulzerafa kaneaca pu kurenik.

Sokiyir coba gubeon dilizesa dene tolsugdalon akoyen ayik. Pu int al me rotegayar va gexata dojeniasa va intafa warzafa debala mali da gan kurenikya gomilara al zo kosmayar. Kantawera ok meura ok tumalhara va int ok ixererura ok gonafu brunilu, kotcoba co-tiyir lokiewafa dam inaf askiks. Inafa gexata, en volkuranon -« keravasundon » Stepan Arkaditc dan icde swavopa milmuweyer ve trakuyur - laizon levkipeson ve koafiweyer. Inafa gubefa levkipera, kiewafa is trawafa...

Bata voldojeniasa kategira, pu int va tela me rotixeyer. Ba bata levkipera, Dolly al skotcotayar dum ede pokranavon al zo iwazayar. Aze golde intafu giltafu stirilu va soist dem udutaf ravlem se al wupteyer aze div mawa al otceyer. Malion va kurenik me al djutulwiyyir.

« Lazava ke kotcoba, tir bata bonafa levkipera, pu int Stepan Arkaditc kaliyyir. Vexe tokcoba zo co-rotaskir ? Va tokcoba rotaski ? » volpokeson voltcineson in tolkaliyyir.

II

Степан Аркадьич был человек правдивый в отношении к себе самому. Он не мог обманывать себя и уверять себя, что он раскаивается в своем поступке. Он не мог теперь раскаиваться в том, что он, тридцатичетырехлетний, красивый, влюбчивый человек, не был влюблен в жену, мать пяти живых и двух умерших детей, бывшую только годом моложе его. Он раскаивался только в том, что не умел лучше скрыть от жены. Но он чувствовал всю тяжесть своего положения и жалел жену, детей и себя. Может быть, он сумел бы лучше скрыть свои грехи от жены, если бы ожидал, что это известие так на нее подействует. Ясно он никогда не обдумывал этого вопроса, но смутно ему представлялось, что жена давно догадывается, что он не верен ей, и смотрит на это сквозь пальцы. Ему даже казалось, что она, истощенная, состарившаяся, уже некрасивая женщина и ничем не замечательная, простая, только добрая мать семейства, по чувству справедливости должна быть снисходительна. Оказалось совсем противное.

"Ах, ужасно! ай, ай, ай! ужасно! - твердил себе Степан Аркадьич и ничего не мог придумать. - И как хорошо все это было до этого, как мы хорошо жили! Она была довольна, участлива детьми, я не мешал ей ни в чем, предоставлял ей возиться с детьми, с хозяйством, как она хотела. Правда, нехорошо, что она была гувернанткой у нас в доме. Нехорошо! Есть что-то тривиальное, пошлое в ухаживанье за своею гувернанткой. Но какая гувернантка! (Он живо вспомнил черные плутовские глаза m-lle Roland и ее улыбку.) Но ведь пока она была у нас в доме, я не позволял себе ничего., И хуже всего то, что она уже... Надо же это все как нарочно! Ай, ай, ай! Аяй! Но что же, что же делать?"

Ответа не было, кроме того общего ответа, который дает жизнь на все самые сложные и неразрешимые вопросы. Ответ этот: надо жить потребностями дня, то есть забыть. Забыться сном уже нельзя, по крайней мере до ночи, нельзя уже вернуться к той музыке, которую пели графинчики-женщины; стало быть, надо забыть сном жизни,

"Там видно будет, - сказал себе Степан Аркадьич и, встав, надел серый халат на голубой шелковой подкладке, закинул кисти узлом и, вдоволь забрав воздуха в свой широкий грудной ящик, привычным бодрим шагом вывернутых ног, так легко носивших его полное тело, подошел к окну, поднял стору и громко позвонил. На звонок тотчас же вошел старый друг, камердинер Матвей, неся платье, сапоги и телеграмму. Вслед за Матвеем вошел и цирюльник с припасами для бритья.

- Из присутствия есть бумаги? - спросил Степан Аркадьич, взяв телеграмму и садясь к зеркалу.

- На столе, - отвечал Матвей, взглянул вопросительно, с участием, на барина и, подождав немного, прибавил с хитрою улыбкой: - От хозяина извозчика приходили.

Степан Аркадьич ничего не ответил и только в зеркало взглянул на Матвея; во взгляде,

II

Stepan Arkaditc dolge int tiyir purik. Va int me rofingeyer meie va int buiveyer da va intafa linulara irglieyer. In me gomileson rotorigiyir, in 34^{daf} ayik, lujanhaf, da va kurenikya mea renayar, va tel nasbayasa va peroy nasbeik, demon toloy mulufteyes, ise letandafa dam in anton tiyir. In anton irglieyer da me lokiewon al palseyer ; vexe peztaleson va portanhe ke debala, va kurenik is nasbeikeem is int temayar. Rotir pu kurenik va bata derka in co-palseyer ede al co-abdipeztaleyey va keska puon warzeyesa gan man bif. Denon va bate bibe meviele sin al dokaliyid ; vexe in gestimiyir da malipon va inaf volsagaceem kurenik uculeyer ise da tiyir brunafa. In milon trakumuyur da Dolly, cukirafi is mea jotanhafi mei listafi mei katcalafi koe koncoba, tison opelon yasagadikyanha, di co-gotiyir driafi. Vexe va vole su kosmayar !

« Ax, en eaftapafa ! Ax ! Ax ! Stepan Arkaditc tolkaliyir, ise va tcinera me rotrasiyir. Wori, trenayar, kotcoba en kalion dilizeyer! Dumon tiyit kalaf ! Inya tiyit valeafa, kalafa do intaf nasbeikeem. Jin va in meinde funheyé, iskeyé ta da va sin viunsunhur. Coba rotafa, keskeon, tir da icdefa yikya tiyir gaasa koe minafa mona. En, me tir kiewafa ! Tir koncoba zugiafa is entafa : nesara va intafa gaasikya !... Vexe dere toka ayikya ! (Ise in cuon tolwiyer va ebeltaf is blif iteem, va levkipera ke Rolland weltikya). Vexe remi da inya deneon tiyir, va mecoba al askí. Ise tela lorotafa, tir da inya... Tir dovoraca ! Ax, ax ! Va tokcoba rotaskí ? Va tokcoba ? »

Me tiyir ara dulzera dam tela vanburena gan blira pu tel lodesaf is lovolfakaf dotcinen bibereem : do anoelugal va int nepaler trabe vulkur. Koe modara vulkur, baon tiyir volrotisa, kali artif miel ; dimtrasira va lexa dankana gan tupakorafa ayikyama se koe klojera ke Stepan tiyir volrotisa.

« Artion, witi ! Stepan Arkaditc ve kaliweyer. Ranhason, va aftafaltukalesokiraf lukoptaf jeg in ve plekuyur, va anamba ve webokayar, ise va mantaf ast gaaldeeson, lanison dum gilton, acaf moe reltaf alteveem nekev aldo ke aldopo, va diik in ve vanlaniyer aze va bortc ve levmadayar aze poon ve asmamayar. Davon guazaf mawazanisik Matvey ve awiyir, bures va vageeem is stazeem is sumesuteks. Kadime Matvey do intaf arn lukastgibesik piyir.

- Tid eluxaxa se mal gardaxe ? Stepan Arkaditc ve eruyur. Narison va sumesuteks, lent elzawa ve debanhayar.

- Sin tid moe azega, Matvey ve dulzeyer disukeson va intaf feliik eruson is forndason.

Kadimion, gemon levkipeson ve lopekuyur :

- Kontan den diremlizukedasik al pir.

Va mecoba Stepan Arkaditc ve dulzeyer, vexe ko elzawa va Matvey ve disukeyer. Sintafa disukera va sint ve kakeveyer : va sint ve kagrupeyed. Disukera ke Stepan Arkaditc nuvelayar da kalir : « Tokdume va batcoba kalil ? Me grupel ?... »

Matvey ko ucom se ke buxitca va nubeem ve plekuyur, ton divpaklawemes nimateem, ise amliton, levkipemeson, va intaf feliik vonamon ve disukeyer.

- Jin al benplekú pu diremlizukedasik ta da arti taneaviel in tolpitir ise da varze rin me titir

которым они встретились в зеркале, видно было, как они понимают друг друга. Взгляд Степана Аркадьича как будто спрашивал: "Это зачем ты говоришь? разве ты не знаешь?"

Матвей положил руки в карманы своей жакетки, отставил ногу и молча, добродушно, чуть-чуть улыбаясь, посмотрел на своего барина.

- Я приказал прийти в то воскресенье, а до тех пор чтобы не беспокоили вас и себя понапрасну, - сказал он, видимо, приготовленную фразу.

Степан Аркадьич понял, что Матвей хотел пошутить и обратить на себя внимание. Разорвав телеграмму, он прочел ее, догадкой поправляя перевранные, как всегда, слова, и лицо его просияло.

- Матвей, сестра Анна Аркадьевна будет завтра, - сказал он, остановив на минуту глянцевитую, пухлую ручку цирюльника, расчищавшего розовую дорогу между длинными кудрявыми бакенбардами.

- Слава богу, - сказал Матвей, этим ответом показывая, что он понимает так же, как и барин, значение этого приезда, то есть что Анна Аркадьевна, любимая сестра Степана Аркадьича, может содействовать примирению мужа с женой.

- Одни или с супругом? - спросил Матвей.

Степан Аркадьич не мог говорить, так как цирюльник занят был верхнею губой, и поднял один палец. Матвей в зеркало кивнул головой.

- Одни. Наверху приготовить?

- Дарье Александровне доложи, где прикажут.

- Дарье Александровне? - как бы с сомнением повторил Матвей.

- Да, доложи. И вот возьми телеграмму, передай, что они скажут.

"Попробовать хотите", - понял Матвей, но он сказал только:

- Слушаю-с.

Степан Аркадьич уже был умыт и расчесан и собрался одеваться, когда Матвей, медленно ступая поскрипывающими сапогами, с телеграммой в руке, вернулся в комнату. Цирюльника уже не было.

- Дарья Александровна приказали доложить, что они уезжают. Пускай делают, как им, вам то есть, угодно, - сказал он, смеясь только глазами, и, положив руки в карманы и склонив голову набок, уставился на барина.

Степан Аркадьич помолчал. Потом добрая и несколько жалкая улыбка показалась на его красивом лице.

- А? Матвей? - сказал он, покачивая головой.

- Ничего, сударь, образуется, - сказал Матвей.

- Образуется?

- Так точно-с.

- Ты думаешь? Это кто там? - спросил Степан Аркадьич, услышав за дверью шум женского платья.

- Это я-с, - сказал твердый и приятный женский голос, и из-за двери высунулось строгое рябое лицо Матрены Филимоновны, нянюшки.

- Ну что, Матреша? - спросил Степан Аркадьич, выходя к ней в дверь.

Несмотря на то, что Степан Аркадьич был кругом виноват перед женой и сам чувствовал это, почти все в доме, даже нянюшка, главный друг Дарьи Александровны, были на его стороне.

volevertaf.

Ostik me dir adrafa da ta mecoba in pir, battel ve kaliyir, denon tiyason va egayan blayak se.

Stepan Arkaditc ve grupeyer da Matvey djukrandeweyer ise zo djukatcalayar. Va sumesuteks ve fenkuyur aze ve beliyr, diepileson va ravlem se, bupilkan dum gilton ; davon inafa gexata ve koafiweyer.

- Matvey, jinafa berikya Anna Arkadievna eldeon artpitir ! ve kaliyir, oulon azavzason va afigara is vafa nuba ke lukastgibesik, dana koo kendaf lukast va raltukafe tride conhukayar.

- Tuke Lorik ! Matvey ve kaliyir, kan bat divieks nedison da dum intaf felik va zolone ke bat warzot kagrupeyer.

In grupeyer da Anna Arkadievna, tela lorenana berikya ke Stepan Arkaditc, ropomayar ta tolnepalera va kurenikeem.

- Kas anton ok do kurenikye pir ? mawazanisik ve eruyur.

Stepan Arkaditc mea ropulviyir, kire va in lukastgibesik kobapason tatceyer. Va gelt in ve madayar. Ko elzawa Matvey ve tidtakayar.

- Anton ! ve kaliyir. Vamoefa mawa zo gonegar ?

- Pu Daria Aleksandrovna va warzot walzel. In pu rin benplekatur.

- Pu Daria Aleksandrovna ? Matvey etrakason ve tolkaliiyir.

- En, ta inafa walzera lanil. Djay, va sumesuteks naril. Pu in vaon zilil, va inaf kaliks gildetel.

« Va yovara in djumarskar », Matvey ve trakuyur. Aze opelon ve dulzeyer : - en, weltik.

Stepan Arkaditc ixam tiyir tcateyen is loiteyen ise va int egayar ta intafa vagera viele Matvey, ke dan stazeem dweyer, va mawa vion ve kolaniyir, do sumesuteks koe nuba. Lukastgibesik al divlaniyir.

- Daria Aleksandrovna pu jin al dirgar da kalí da fu divpir ise da rin di tegil dum baltanitul, Matvey ve kaliyir, itakipeson is nubakoucomason, ton krilon titalawesa taka is disukera titickasa va felik.

Stepan Arkaditc ve stivaweyer. Azon viafa is gabenafa levkipera ve awiyir moo inafa menpesa gexata.

- Ax, Matvey ! tidtakason ve askiyir.

- Tir mecoba, weltik, kotcoba vanvuweter.

- Va tokcoba baton kalil !

- Icdeon lanaf tí, weltik.

- Folil ?... Toktan batlize tir ? Stepan Arkaditc ve eruyur. Kadime tuvel va lupura va ayikyaf gem gildeyer.

- Tir jin ! acafa is plinafa ayikyafa puda ve dulzeyer. Koe tuvelfenkuks boksafa is brinkakolafa gexata ke Matriona Filemonovna tela guazafa zanisikya ve awiyir.

- Bam, tokcoba tir ? Matrioca ? van tuvel lanison Stepan Arkaditc ve eruyur.

Beka in tiyir engunaf varze kurenik ise miv welidayar, kotafa mona, don guazafa zanisikya nik ke Daria Aleksandrovna, tori in tiyir.

- Bam, tokcoba tir ? gabenon ve tolkaliiyir.

- Lanil, weltik, lanil ta da va Daria Aleksandrovna wil ! Lorik rotir titir segayaf. In me azavzar da irubar, puidar. Ise koe mona, noelkeon kotcoba sokijiyir. Tori rumeikeem va sa dit, weltik. Irgliel, weltik. Va tokcoba rotaskí ?... Va rola govugdá...

- Vexe, in va jin me kazawatar...

- Neke va goni askil. Lorik tir segayaf. Va in blikel,

- Ну что? - сказал он уныло.
 - Вы сходите, сударь, повинитесь еще. Авось бог даст. Очень мучаются, и смотреть жалости, да и все в доме навынтараты пошло. Детей, сударь, пожалеть надо. Повинитесь, сударь. Что делать! Люби кататься....
 - Да ведь не примет...
 - А вы свое сделайте. Бог милостив, богу молитесь, сударь, богу молитесь.
 - Ну, хорошо, ступай, - сказал Степан Аркадьич, вдруг покраснев. - Ну, так давай одеваться, - обратился он к Матвею и решительно скинул халат.
 - Матвей уже держал, сдувая что-то невидимое, хомутом приготовленную рубашку и с очевидным удовольствием облек в нее холеное тело барина.

III

Одевшись, Степан Аркадьич приснул на себя духами, выправил рукава рубашки, привычным движением рассовал по карманам папиросы, бумажник, спички, часы с двойной цепочкой и брелоками и, встряхнув платок, чувствуя себя чистым, душистым, здоровым и физически веселым, несмотря на свое несчастье, вышел, слегка подрагивая на каждой ноге, в столовую, где уже ждал его кофе и, рядом с кофеем, письма и бумаги из присутствия.

Он прочел письма. Одно было очень неприятное - от купца, покупавшего лес в имении жены. Лес этот необходимо было продать; но теперь, до примирения с женой, не могло быть о том речи. Всего же неприятнее тут было то, что этим подмешивался денежный интерес в предстоящее дело его примирения с женою. И мысль, что он может руководиться этим интересом, что он для продажи этого леса будет искать примирения с женой, - эта мысль оскорбляла его.

Окончив письма, Степан Аркадьич придвинул к себе бумаги из присутствия, быстро перелистовал два дела, большим карандашом сделал несколько отметок и, отодвинув дела, взялся за кофе; за кофеем он развернул еще сырую утреннюю газету и стал читать ее.

Степан Аркадьич получал и читал либеральную газету, не крайнюю, но того направления, которого держалось большинство. И, несмотря на то, что ни наука, ни искусство, ни политика, собственно, не интересовали его, он твердо держался тех взглядов на все эти предметы, каких держалось большинство и его газета, и изменял их, только когда большинство изменяло их, или, лучше сказать, не изменял их, а они сами в нем незаметно изменялись.

Степан Аркадьич не избирал ни направления, ни взглядов, а эти направления и взгляды сами приходили к нему, точно так же, как он не выбирал формы шляпы или сюртука, а брал те, которые носят. А иметь взгляды ему, жившему в известном обществе, при потребности некоторой деятельности мысли, развивающейся обыкновенно в лета зрелости, было так же необходимо, как иметь шляпу. Если и была причина, почему он предпочитал либеральное направление консервативному, какого

weltik, blikel.

- Kiewafa, kiewafa, lanil ! Stepan Arkaditc tukeraweson laizon ve askiyir. Tetce, va jinaf vabeeem zilil, pu Matvey ve kaliyir. Aze elvazatcon, va jeg ve tiolteyer.

Matvey, sukseson mo gestafa gopa, va klaim dum flek giyir. Denatcion, va ropeyeno alto ke feliiik doon ve kavageyer.

III

Vageyeson, Stepan Arkaditc va int ve koafigayar, aze va ewazaltoyeem giltazatcon ve impayar aze ko ucom va ruseta se is vobor is vanteyasiki yo is trula is jontolafa ruda ve plekuyur, aze va loitesiki ve dimsoayar, aze, peztaleson da tiyir parvuaf is dakelakiranhaf is vinhis is itupanhaf nekev volkalaca, ise soe ton impadimawes nimateem, ko estuxo ve remlaniyir lize poke inafa fadxa twa se is eluxaxa se ke elda va in keyed.

In va twa se ve beliyir. Tanoya volplinapafa, va dolekik djulustes va aalxo is ind ke Oblonski sersikya malayar. Golusteyer vexe lidabrotcion dam va int do kurenik me di tolnepeleyer Stepan vaon me rotrakuyur ; ostik tele lovolpline tiyir da ko bata tolnepalera erbadlapok bam belckaweyer. Trakura da in zo roplataeyer ta da do kurenik golde erbatod tolnepaler va Stepan Arkaditc bakayar.

Va twa se beliyison, va eldaf eluxaxeem van int ve impayar, aze va toloyi vargi ve gixuyur, aze kan ogalt konon ve stragajayar, aze ve toz beliyir. Stepan Arkaditc va nuyotevafa fela kazawayar ise beliyir, va lugavatrakuliskafa is gaderopamialukafa. Beka icde opa ik yanba ik gaderopa me dlapeyer, va trakulanha icdeon diyir : va tela ke lotan is intafa fela, ise anton do lotan vaon betayar ; lokiewon kalison me betayar vexe tiyid koe in meropeztalenon miv betawesa trakula se. Stepan Arkaditc va nia ik trakula se me kiblayar, kal in bat sin miv piyid, ic-milon da va tazuk ke edji oku vabe me kiblayar volse do cava va int turapalayar. Dira va trakula se, dene bat ayik blis koe lana anameda, olegason va lanu grufu tegirilu ke danu vonewera bak lukrafa klaa jadion dilizeyer, tiyir lidadrafa dam digira va edji. Ede in abduabayar va nuyotevafa trakula dam tela viderevafa dana zo ikatcuyur gan inaf anamedaf jontiktan, leon tiyir kire krupteyer da nuyotevafa trakula tiyir lodovekafa dam kire bata va inaf blirask loon kapburedayar. Nuyotevafo pako kaliyir da koe Rossia kotcoba flijiyir ; ise keskeon Stepan Arkaditc tiyir bozakirapaf ise erbagracyir. Nuyotevafo pako ruyeyer da kurera tiyir volcavaf gotoltazukan kizeks ; ise keskeon yasafa blira pu Stepan Arkaditc va puveme tiskayar ise va in poayar ta rotuxara is stetara, trace inafu giltafu ronjilu. Nuyotevafo pako kaliyir oke loon torayar da alka metir ara dam daney luxe megrubelisa pula ke sanelia ; ise keskeon Stepan Arkaditc me

держались тоже многие из его круга, то это произошло не оттого, чтоб он находил либеральное направление более разумным, но потому, что оно подходило ближе к его образу жизни. Либеральная партия говорила, что в России все дурно, и действительно, у Степана Аркадьича долгов было много, а денег решительно недоставало. Либеральная партия говорила, что брак есть отжившее учреждение и что необходимо перестроить его, и действительно, семейная жизнь доставляла мало удовольствия Степану Аркадьичу и принуждала его лгать и притворяться, что было так противно его натуре. Либеральная партия говорила, или, лучше, подразумевала, что религия есть только узда для варварской части населения, и действительно, Степан Аркадьич не мог вынести без боли в ногах даже короткого молебна и не мог понять, к чему все эти страшные и высокопарные слова о том свете, когда и на этом жить было бы очень весело., Вместе с этим Степану Аркадьичу, любившему веселую шутку, было приятно иногда озадачить смиренного человека тем, что если уже гордиться породой, то не следует останавливаться на Рюрике и отречься от первого родоначальника - обезьяны. И так, либеральное направление сделалось привычкой Степана Аркадьича, и он любил свою газету, как сигару после обеда, за легкий туман, который она производила в его голове. Он прочел руководящую статью, в которой объяснялось, что в наше время совершенно напрасно поднимается вопль о том, будто бы радикализм угрожает поглотить все консервативные элементы и будто бы правительство обязано принять меры для подавления революционной гидры, что, напротив, "по нашему мнению, опасность лежит не в мнимой революционной гидре, а в упорстве традиционности, тормозящей прогресс", и т. д. Он прочел и другую статью, финансовую, в которой упоминалось о Бенгалье и Милле и подпускались тонкие шпильки министерству. Со свойственно ему быстрою соображения он понимал значение всякой шпильки: от кого и на кого и по какому случаю она была направлена, и это, как всегда, доставляло ему некоторое удовольствие. Но сегодня удовольствие это отравлялось воспоминанием о советах Матрены Филимоновны и о том, что в доме так неблагоприятно. Он прочел и о том, что граф Бейст, как слышно, проехал в Висбаден, и о том, что нет более седых волос, и о продаже легкой кареты, и предложение молодой особы; но эти сведения не доставляли ему, как прежде, тихого, иронического удовольствия.

Окончив газету, вторую чашку кофе и калач с маслом, он встал, стряхнул крошки калача с жилета и, расправив широкую грудь, радостно улыбнулся, не оттого, чтоб у него на душе было что-нибудь особенно приятное, - радостную улыбку вызвало хорошее пищеварение. Но эта радостная улыбка сейчас же напомнила ему все, и он задумался.

Два детские голоса (Степан Аркадьич узнал голоса Гриши, меньшого мальчика, и Тани, старшей девочки) слышались за дверьми. Они

roterktayar, nimatroteson, va trelafa mista ise me rokagrupeyer va favlilu ke kota bata gairtafa is eaftafa pulva se icde tela ara tamava, viele koe bata tamava rotir jonte itupafa. Ostik, Stepan Arkaditc, dan albayar va krander, kontomon relandeyer gevason va kon diliokaf pulvisik rogdason va boy da ede kontan djutir intotcaf icde intaf abdigadikem, Rurik sersik me rotir tel losavsaf, vexe tir jidol. Acum nuyotevafa rietova se vanpiyid giltaca tori Stepan Arkaditc, ise albayar va intafa fela dum ruse moi sielestura, golde selam warzen gan bata belira koe intafa taka.

Va taneaf teliz in ve beliyir. Banugale, zo kaliyir, tir giopafa da zo espur da zaeleva ta koartokara va kot viderevik se ise da bowere kle gosabegar kev artowarafe perake. Cin karolav da wupe me tir tori bata artowarafe perake vols prostewa se riojasa va abduxa, ikz-. Vlevon tiyir erbopaf teliz lize Bentham is Mill is ikz- yolt se zo ozwayad ise koegis va dilfumura se kev elda. Kan intafu blifu gruilu, va sugdala ke kot aflaks Stepan vangiyir ; va asmalas tel is puf tel is icdefa coba in diepileyer ; gubeon va puvenhe satoleyer. Vexe batvielon, puve zo sjivayar golde setikera va pirdeem ke Matriona Filemonovna is va gojilu gazasu koe mona lize kotcoba sokijiyir. Stepan dere beliyir da Beust biptik, dumon lor al vulteyer, en al mallaniyir van Wiesbaden ; da mea tiyid lukoptaf usuk se ; dolera ke bagaf direm zo walzeyer ; va une jotik eruyur ; vexe pu belisik va zijnafa is beonafe puve dum gilton me tiskayad. Tenuyuson va fela, va toleaf fadxakcek in ve beliyir, aze festkirafa zogia ve estuyur aze ve ranhayar, aze va kelk se lubeyes mo vesuk ve botceyer ; azon warlason va intaf mantaf ast daavon ve levkipeyer, me da koe gloga va kon plinanhaf trakuray diyir : antafa logara tiyir lazava ke bata daavafa levkipera. Vexe laizon va kotcoba in ve setikeyer aze ve tutrakusaweyer.

Toloya rumeafa puda kadime tuvel ve zo gildeyed. Stepan Arkaditc ve kagrupeyer va puda ke jotafe nasbeikye Grica is tela ke taneanasbalafa nasbeikya Tania. Sin impadimayad va koncoba va dana ve aslubeyed.

- Pu rin en kaliyí da koyasikeem me zo gopekuyur moe vegem, rumeikya englavon ve ieyer. Batse ! Noelkeon tredul !

« Kotcoba sokijir, Stepan Arkaditc ve trakuyur. Noelkeon nasbeikeem mea zo eninter ! »

Va tuvel vanlanir aze va sin ve rozayar. Jovleson va bor wartazukayan ton kelot, va gadikye sin ve illaniyid.

Rumeikya, gelukafa ke Stepan, laoon ve vulteyer. Va inya ve kutcayar. Kipenheson, bene berga inya ve zavzayar mokolliawesa, felbenon dum kotviele golde dakela ke kofigasiki yo diveksoyeni gan lukast ke gadikye. Adim dabluyuson va gexata mhalana golde blagana nubagina tirka, ise koafinon kan krenugilu, va intaf meem rumeikya ve griiksantuyur aze ve djumallaniyir. Gadikye va in ve kagiyir.

- Va tokcoba Mama askir ? in ve eruyur santason va gedelafa is zijnafa bergama ke nasbeikya.

Azon, gukoeson va nasbeikye : « Kiavá », pu in ve kaliyir. Kagrupeson da va rumeikye leon renayar, soe yovayar da tir malhaf dolge in ; vexe battel va bata abduabasaca peztaleyer, ise pu levkipera ke gadikye ve dulzeyer.

- Mama, rumeikya ve dulzeyer, mea keniber.

что-то везли и уронили.

- Я говорила, что на крышу нельзя сажать пассажиров, - кричала по-английски девочка, - вот подбирай!

"Все смешалось, - подумал Степан Аркадьич, - вон дети одни бегают". И, подойдя к двери, он кликнул их. Они бросили шкатулку, представлявшую поезд, и вошли к отцу.

Девочка, любимица отца, вбежала смело, обняла его и, смеясь, повисла у него на шее, как всегда, радуясь на знакомый запах духов, распространявшийся от его бакенбард. Поцеловав его, наконец, в покрасневшее от наклоненного положения и сияющее нежностью лицо, девочка разняла руки и хотела бежать назад; но отец удержал ее..

- Что мама? - спросил он, водя рукой по гладкой, нежной шейке дочери. - Здравствуй, - сказал он, улыбаясь здоровавшемуся мальчику.

Он сознавал, что меньше любил мальчика, и всегда старался быть ровен; но мальчик чувствовал это и не ответил улыбкой на холодную улыбку отца.

- Мама? Встала, - отвечала девочка.

Степан Аркадьич вздохнул. "Значит, опять не спала всю ночь", - подумал он.

- Что, она весела?

Девочка знала, что между отцом и матерью была ссора, и что мать не могла быть весела, и что отец должен знать это, и что он притворяется, спрашивая об этом так легко. И она покраснела за отца. Он тотчас же понял это и также покраснел.

- Не знаю, - сказала она. - Она не велела учиться, а велела идти гулять с мисс Гуль к бабушке.

- Ну, иди, Танчурочка моя. Ах да, постой, - сказал он, все-таки удерживая ее и глядя ее нежную ручку.

Он достал с камина, где вчера поставил, коробочку конфет и дал ей две, выбрав ее любимые, шоколадную и помадную.

- Грише? - сказала девочка, указывая на шоколадную.

- Да, да. - И еще раз погладив ее плечико, он поцеловал ее в корни волос, в шею и отпустил ее.

- Карета готова, - сказал Матвей. - Да просительница, - прибавил он.

- Давно тут? - спросил Степан Аркадьич.

- С полчасика.

- Сколько раз тебе приказано сейчас же докладывать!

- Надо же вам дать хоть кофею откусать, - сказал Матвей тем дружески грубым тоном, на который нельзя было сердиться.

- Ну, проси же скорее, - сказал Облонский, морщась от досады.

Просительница, штабс-капитанша Калинина, просила о невозможном и бестолковом; но Степан Аркадьич, по своему обыкновению, усадил ее, внимательно, не перебивая, выслушал ее и дал ей подробный совет, к кому и как обратиться, и даже бойко и складно своим крупным, растянутым, красивым и четким почерком написал ей записочку к лицу, которое могло ей пособить. Отпустив штабс-капитаншу.

Stepan Arkaditc ve repaleyer.

- Ware konviele, in kotmielon al me keniber ! ve trakuyur.

- In itupaf tir ? in ve eruyur.

Rumeikye grupeyer da motcara sokiyir wale gadikeem ise da gadikya me rotiyir itupafa ; ve grupeyer da gadikye, baton bibeson, va brunilu stetayar, ise tori in goldeon ve tuckeraweyer. In davon ve sonkeyer ise dere ve tuckeraweyer.

- Jin me grupé, ve kaliyir. In me al benplekur ta vayara. Al kalir da den veygadikya do Hull weltikya cin golaniv.

- Ex, lanil, Taniucanha. Ax, kel, ve kaliyir, va in ware kagison ise va gedelafa nubama santason.

Mou keldega va fageakam eldeon rundayan in ve nariyir ise pu in va toloye fage ve ziliyir, kiblason va tele abduabase : va sabakirafe is botaxazomkirafe.

- Bate tori Grica tir ? va sabakirafe nedison rumeikya ve eruyur.

- En, en, in ve dulzeyer. Va inafa epitama ware santason, va inaf usukeem isu berga ve kutcayar, aze va in ve iskeyer ta da mallaniyir.

- Direm kabdueon tir, Matvey ve kaliyir... Ax ! Tir yanesik, ve loplekuyur.

- Malipon ?

- Moni riwe miabartiv.

- Tokote pu rin al benplekú ta da davon zo walzé ?

- Ic-le pu rin va ugal ta va fadxa ulil gozilí, Matvey ve kaliyir, kan naf is yastaf kom kevon mibuwera vol tir.

- Ex, tukaliawel ise askolanil ! Oblonski ve kaliyir, aundon woltgeruason.

Yanesikya, nhobrik ke tan Kalinin eldaf redakik, va volrotisa is peztorafa eruyur. Vexe, dum gilton, Stepan Arkaditc ve kozideyer da in debanhar ; va in me waljoason obrason ve terktayar, aze pu in va tegitira tagelton ve bazeyer ; tori in milon ve suteyer, kan abrotcafa is robeliyina sutera, va twama tori rotison favlaf kontel.

Mali da yanesik al buluyur, va intafi edji Stepan Arkaditc ve nariyir. Aze ve xaayar, va int eruson ede va koncoba al me vulkuyur. Va mecoba al vulkuyur, vaxe nelkafe djuvulkuse, va kurenik.

- Ax ! en ! takomason ve evieyer, acum intafa plinafa gexata ve tukexaweyer. Kas golaní oke me ? Koefa puda pu in kaliyir da in golanir. Betcoba in co-kalir anton co-tid stetara is rotuxara ; debala tiyir tuveliskafa, kire dimzilira pu kurenik ke Stepan va menpesilu is jekusilu is jotilu tiyir limerotisa dam wartazukara va in ton guazik merovansas va rena. Noelkeon rotuxara is murkilo mal bata debalaja va volkalik anton rodivimpayad, ise va inafu tuwavafu ronjilu lan mergil se balveyed.

« Wori, baton fu gozomé ! Baton va coba me rotiské », in va int ve kaliyir yovason da gastanver.

In va int ve turontayar aze va ruseta ve nariyir aze vaon ve vanteyaweyer aze va toloya tamka ve gelavayar aze ko grujdaf tsadayak va ruseta ve mimayar. Porfeon, kaliakalion, va bonta ve remlaniyir aze va tuvel ke mawa ke kurenik ve fenkuyur.

Степан Аркадьич взял шляпу и остановился, припоминая, не забыл ли чего. Оказалось, что он ничего не забыл, кроме того, что хотел забыть, - жену.

"Ах да!" Он опустил голову, и красивое лицо его приняло тоскливое выражение. "Пойти или не пойти?" - говорил он себе. И внутренний голос говорил ему, что ходить не надобно, что, кроме фальши, тут ничего быть не может, что поправить, починить их отношения невозможно, потому что невозможно сделать ее опять привлекательною и возбуждающею любовь или его сделать стариком, не способным любить. Кроме фальши и лжи, ничего не могло выйти теперь; а фальшь и ложь были противны его натуре.

"Однако когда-нибудь же нужно; ведь не может же это так остаться", - сказал он, стараясь придать себе смелости. Он выпрямил грудь, вынул папироску, закурил, пыхнул два раза, бросил ее в перламутровую раковину-пепельницу, быстрыми шагами прошел мрачную гостиную и отворил другую дверь, в спальню жены.